

Луговцова, С.Л. Борьба правительственных чиновников с антироссийскими настроениями в среде дворянства белорусских губерний в 30—40-е гг. XIX в. / С.Л. Луговцова // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2007. — С. 83—90.

С. Л. Луговцова

**БОРЬБА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ
С АНТИРОССИЙСКИМИ НАСТРОЕНИЯМИ
В СРЕДЕ ДВОРЯНСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
В 30—40-е гг. XIX в.**

Еще В. О. Ключевский писал о том, что «уничтожение польского государства не избавило нас от борьбы с польским народом: не прошло и 70 лет после третьего раздела Польши, а Россия уже три раза воевала с поляками (1812, 1831 и 1863 гг.)» [10, с. 56]. Если учесть, что Василий Осипович не назвал восстания под руководством Т. Костюшко, а также целый ряд более мелких выступлений и заговоров, то историю присоединенных земель можно определить как историю постоянной борьбы за возвращение их в рамки прежней государственности.

Наиболее значительным в рассматриваемый период и по масштабу, и по выдвигаемым целям является восстание 1830—1831 гг. Соответствующей была реакция российского самодержавия. Закон от 22 марта 1831 г. постановил:

— всех дворян, принявших вооруженное участие в восстании, судить военным судом, а приговоры исполнять на месте;

— недвижимые имущества преступников отобрать в казну;

— о всех детях дворян мужского пола, наказанных за преступление, входить к императору с особым представлением, а не имеющих никаких доказательств на дворянское звание брать в военные кантониеты (этот пункт бил по огромному количеству шляхты, не доказавшей свое происхождение) [8, т. 6, № 4444].

Первоначально дела повстанцев находились в ведении уездных следственных комиссий и земской полиции. В июле 1831 г. были учреждены особые комиссии в Киевской, Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской губерниях и Белостокской области под председательством военных губернаторов. Виновные на основании указов от 22 марта, 6 мая и 4 июня 1831 г. разделялись на три разряда:

1) предводителей бунта;

2) участвовавших в действиях против войск и законной власти;

3) подписавших возмутительные акты, хотя непосредственно участия в мятеже не принимавших [8, т. 6, № 4444, 4624, 4711].

Особые комиссии занимались составлением списков участников восстания, с определением их вины и наказания. Деятельность комиссий была прекращена в октябре

Луговцова Светлана Леонидовна — доцент кафедры истории России БГУ, кандидат исторических наук

1834 г. [8, т. 9, № 7429], однако списки уточнялись вплоть до 1843 г. В отношении Витебской и Могилевской губерний было решено не учреждать специальные комиссии, так как в этих губерниях повстанческое движение не переросло в масштабные действия. Особые комиссии предоставляли Виленскому военному губернатору сведения о численности повстанцев (см. табл. 1) [1, оп. 124, д. 79, л. 29—41].

**ЧИСЛЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1830—1831 гг., ПРИВЛЕЧЕННЫХ
К СУДУ, ПО ГРОДНЕНСКОЙ, ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИЯМ
И БЕЛОСТОКСКОЙ ОБЛАСТИ**

Адм. единица	Всего виновных, человек	Отнесенных к разряду, человек		
		I	II	III
Гродненская губерния	410*	10	294	103
Белостокская область	62	1	50	11
Виленская губерния	2335**	51	655	499
В том числе по Виленскому уезду	185 (из них 165 дворян)	Не разнесены по разрядам		

* По высочайшему повелению у трех помещиков были конфискованы имения без внесения в разряд.

** По Виленской губернии 106 чел. подверглись конфискации имений без занесения в разряд из-за невозможности установить степень их вины (бежали за границу), кроме того 1024 чел. были вскоре освобождены от ответственности из-за недостаточности улик.

Несмотря на многолетнюю работу комиссий, предоставленные ими списки являются неточными, так как многие лица (в основном бывшая неоседлая шляхта) не имели постоянного места жительства и принимали участие в восстании в разных местах. Часто для завершения дела требовались справки из Австрии и Пруссии. Ответы на такие запросы приходили медленно или не приходили вовсе. Кроме того, в абсолютном большинстве списков никак не отмечено происхождение участников восстания.

Можно только предположить, что большинство из них были дворяне, причем владевшие недвижимыми имениями, так как именно они легче всего поддавались учету, были на виду. Если бы комиссии точно отразили количество участников из всех сословий, то, очевидно, что это были бы цифры другого порядка. Так, Виленский военный губернатор отмечал, что по Виленской губернии из простолюдинов до 9 тыс. чел. приняло участие в мятеже [1, оп. 124, д. 79, л. 58].

Дополним вышеперечисленные сведения данными О. В. Горбачевой, которая основывалась на материалах Российского государственного военно-исторического архива. По ее подсчетам, по Гродненской губернии было привлечено к ответственности 433 лица дворянского происхождения, по Минской губернии — 490, по белорусским уездам Виленской губернии — 319 человек. Кроме того, следственными органами Правобережной Украины было привлечено за участие в восстании 86 урожен-

цев Гродненской, Могилевской и Минской губернии. Из них 42 представителя дворянского сословия [9, с. 80—84, 86].

Интересно, что 20 ноября 1831 г. Николаем I была объявлена амнистия для подданных Царства Польского. Амнистии не подлежали «истинные виновники мятежа». В результате в Варшаве судили только девять человек. Чем было вызвано такое разное отношение императора к участникам восстания на территории западных губерний и собственно польских? Исследователи, обращавшиеся к этому вопросу, сходятся во мнении, что амнистия была объявлена благодаря давлению европейских государств. Английский историк Н. Хилл в работе «Польша и польский вопрос» проанализировал дипломатическую переписку между английским и российским министерствами иностранных дел в 1830—1831 гг.

В ходе переписки премьер-министр виконт Палмерстон выражал свое недовольство действиями российских войск, подчеркивал, что любое изменение, которое повлекло бы за собой инкорпорацию Польши в состав Российской империи, уничтожение ее конституции, было бы нарушением Венских соглашений [12, с. 331—332]. Несомненно, Великобритания была крайне не заинтересована в усилении России и предпринимала все возможные шаги (вплоть до угрозы интервенции) для того, чтобы Польша вышла из состава империи. Добиться этого английскому правительству не удалось.

Однако посол Великобритании в Санкт-Петербурге лорд Хейтезбери сообщал в Лондон: «...не стоит считать наши усилия в пользу поляков напрасными. Достаточно взглянуть в сторону русско-польских провинций, находящихся вне досягаемости иностранной интервенции, чтобы убедиться в обратном. В Царстве Польском, где нас обвиняют в предательстве, только 20 человек были исключены из

амнистии. В то же время в русско-польских областях конфискация собственности, ссылка во внутренние губернии, депортация в Сибирь стали общим правилом. Ни одному человеку из тех, кто принял участие в революции, не удалось избежать наказания» [12, с. 333].

Польский историк О. Халеский также пришел к выводу, что Николай I объявил амнистию повстанцам только благодаря влиянию иностранных держав. Однако автор подчеркивает, что она не коснулась жителей западных губерний империи [11, с. 233].

Что касается жителей западных губерний, то аресты участников восстания 1830—1831 гг. продолжались на всем протяжении не только тридцатых, но и сороковых годов XIX в. Аресту подвергались лица, тайно вернувшиеся из-за границы, а также те, кто находился под наблюдением полиции и позволил себе «крамольные высказывания» [1, оп. 126, д. 5; оп. 129, д. 42, 55; 2, оп. 5, д. 4, 10].

В 1840 г. под официальным надзором полиции состояло по Минской губернии 110 чел., из них 94 дворянского происхождения, по Гродненской губернии 78 чел., из них 68 дворян, по Виленской 357 чел., из них 173 дворянина и по Белостокской области 48 и 20 чел. соответственно [1, оп. 129, д. 174, л. 13—85об.].

Динамика численности поднадзорных в 1847—1849 гг., находившихся под официальным и секретным надзором, с разбивкой по губерниям, городам, уездам и особо выделенной категорией дворян, представлена в табл. 2 [1, оп. 138, д. 165, л. 1—320; д. 288, л. 1—382].

ЧИСЛЕННОСТЬ ЛИЦ, СОСТОЯВШИХ ПОД НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ В 1847—1849 гг.

Губерния (уезд, город)	Под официальным надзором				Под секретным надзором			
	Всего, чел.		Из них дворян		Всего, чел.		Из них дворян	
	1847	1849	1847	1849	1847	1849	1847	1849
Виленская	103	95	43	35	62	160	9	50
В т.ч. по городам:								
Вильно	22	25	14	15	35	94	—	33
Вилейка	1	1	1	1	1	1	—	—
Дисна	—	—	—	—	1	6	1	—
Лида	—	2	—	2	1	—	1	—
В т.ч. по уездам								
Виленский	3	9	3	8	1	13	—	10
Вилейский	3	3	3	3	1	6	—	2
Диссенский	8	6	7	—	4	—	2	—
Лидский	10	8	8	5	1	2	—	—
Свенцянский	3	5	2	—	5	11	4	—
Трокский	44	33	—	—	9	17	—	—
Ошмянский	4	3	2	1	3	10	1	5
Гродненская	59	71	40	44	29	31	15	22
Минская	41	42	22	31	56	72	34	43

Расправа с участниками восстания была скорой, в результате страдали невинные люди. Шляхтичи попадали под секретный надзор полиции по ложным доносам, что в дальнейшем выяснилось, однако клеймо «подозрительного и неблагонадежного» оставалось [1, оп. 129, д. 55, 80, 103]. Сухие строки архивных документов раскрывают перед нами судьбы людей, сломанные репрессивной машиной российского самодержавия. Обратимся к материалам дела секретаря духовной консистории Тустановского и его друзей [1, оп. 126, д. 40]. Дело было заведено в июле 1835 г. и закрыто лишь в конце 1847 г. Кто были эти люди и что мы знаем о них?

Секретарь Минской ликвидационной комиссии Нелюбович проживал в городе Гродно. Некоторое время он находился под надзором полиции как подозреваемый в причастии к мятежу Михаила Воловича. Наблюдение было быстро снято в связи с недоказанностью обвинения и благонадежным поведением подозреваемого. Помещик Гродненской губернии Гижицкий, секретарь Гродненского

губернатора Любовицкий не участвовали ни в восстании 1830—1831 гг., ни в деятельности каких-либо подпольных организаций. Секретарь духовной консистории Тустановский, правда, в 1831 г. был сослан в Астрахань по подозрению в «неблагонадежном образе мыслей», но его невиновность была доказана, и он вернулся на родину. В июле 1835 г. именно на Тустановского поступил донос из-за границы о его «вредном образе мыслей». Материалы дела никак не проясняют нам, от кого поступил донос, из какой страны, и в чем собственно состояла эта неблагонадежность, но этого оказалось

достаточно, чтобы репрессивная машина заработала в полную силу. Тустановский был арестован, а его бумаги опечатаны и тщательно изучены. Ничего крамольного в них обнаружить не удалось. Тогда был определен круг лиц, с которыми подозреваемый наиболее часто общался. Этими лицами оказались его друзья Нелюбович, Гижицкий и Любовицкий. У каждого из них в свою очередь был произведен обыск и опечатаны бумаги. Но результат оказался тем же: ничего крамольного не обнаружено. На всю четверку были собраны подробные досье, включавшие отзывы соседей и сослуживцев. Характеристики оказались положительными. Тем не менее Тустановский и Нелюбович были сосланы под надзор властей в Пермскую губернию, Гижицкий в Астраханскую. Только Любовицкому удалось остаться на прежнем месте жительства под надзором полиции [1, оп. 126, д. 40, л. 4—11]. В 1839 г. Тустановскому было «дано облегчение участи» и разрешен перевод в Архангельск. В апреле 1840 г. Нелюбович обратился с просьбой о разрешении вернуться на родину. В прошении он указал, что его мать вдова, она тяжело больна и долг единственного сына ухаживать за ней. В ответ III отделение запросило мнение о Нелюбовиче у пермского гражданского губернатора. Последний засвидетельствовал отличную службу ссыльного и его примерное поведение. В результате в 1840 г. Нелюбович все-таки получил разрешение вернуться в Минск под гласный надзор полиции. Казимиру Гижицкому удалось вернуться на родину только в 1845 г. [1, оп. 126, д. 40, л. 23, 67—67об.]. О дальнейшей судьбе Тустановского нам ничего не известно.

О разных лицах, которые подозревались как эmissары или их сообщники, дела встречаются до 1840-х гг. [7, оп. 1, д. 54, л. 15—37]. При подобных разбирательствах страдали и невиновные люди. Например, священник Витебской губернии Шиманский попал под секретный надзор полиции только за то, что был однофамильцем известного эmissара [5, оп. 1, д. 3823, л. 1]. Несмотря на то что эmissар Шиманский действовал в западнорусских губерниях, за возможную связь с ним были арестованы пять человек даже в Витебской губернии [4, оп. 1, д. 7772, л. 1—2об.].

Материалы Минского губернского правления за сентябрь 1836 г. содержат ведомость о лицах — однофамильцах с участниками «бывшего польского мятежа». Эта ведомость о причитающихся суммах вышеназванным лицам за незаконно реквизированные имения [2, оп. 5, д. 10, л. 153]. По Минскому уезду перечислено 19 фамилий. По уездам: Слуцкому — 17, Пинскому — 4, Борисовскому — 6, Игументскому — 12, Вилейскому — 12, Диссенскому — 2, Мозырскому — 9 фамилий. Таким образом, только в Минской губернии были незаслуженно конфискованы имения у 81 дворянского семейства. Кроме того, в канцелярию белорусских губернаторов постоянно поступали жалобы местных дворян на проведение военными властями самовольных обысков и даже конфискации имущества [5, оп. 1, д. 2734].

Среди принятых мер после подавления восстания есть и такие, как переселение бывшей польской шляхты на Кавказ (тех, кто участвовал в мятеже) [8, т. 8, № 5892]; запрещение для лиц, бежавших за границу, возвращаться в Россию [8, т. 9, № 7429] (это положение было отменено только в июне 1856 г.); запрет на вступление в собственность тем имениям, которые переходили к мятежникам по наследству [8, т. 11, № 9095], требование свидетельств о неучастии в восстании 1830—1831 гг. от лиц, желавших определиться в казеннокоштные студенты высших учебных заведений гражданского ведомства империи [8, т. 8, № 6446; т. 12, № 10800]. Аналогичное требова-

ние было распространено в 1841 г. на поступавших в военную службу [8, т. 16, № 14625]. Только в августе 1856 г. на уроженцев западных губерний были распространены общероссийские правила приема на гражданскую службу и перемещение их из одного места в другое [8, т. 31, № 30885]. После 1831 г. со стороны властей было особое внимание к чиновникам из среды местных дворян. Так, заседатель Полоцкого уездного земского суда Свирцевский в 1831 г. был освобожден от службы только за подозрение в сочувствии к повстанцам [5, оп. 1, д. 2734, л. 1—1об.].

Вышеперечисленные мероприятия правительства, принятые им законодательные акты демонстрируют избранный властью жесткий курс против участников восстания 1830—1831 гг. Но это был лишь сухой язык законов. Если же мы обратимся к архивным материалам, то они дают нам картину просто тотальной подозрительности. Все письма на имя дворян, имения которых за участие в восстании были конфискованы, подвергались цензуре. Письма и пакеты, отправляемые этими дворянами за границу, задерживались на почтовых отделениях. В 1832 г. по Виленской губернии было 175 лиц дворянского происхождения, имения которых подверглись секвестру или конфискации, по Гродненской губернии — 31, по Белостокской области — 46. Подвергались цензуре и письма, поступившие из-за границы на имя лиц, никоим образом не замешанных в мятеже. Такие письма «милостиво» разрешалось отправлять по назначению, «оставляя с оных копии» [1, оп. 123, д. 1, л. 3—16, 46; д. 2, л. 54—55].

Можно с уверенностью утверждать, что тщательной цензуре подвергалось каждое послание. Архивные документы хранят немало таких примеров.

Письмо московского студента Понинского к жителю Вильно Кванишевскому было задержано за следующие строки: «Поздравляю Вас, что вы переселились в знаменитый град Гедымина и находитесь теперь в среде людей, умеющих чувствовать и понимать чувствования других. А мы в обширной и многолюдной пустыне нашего изгнания, кроме пасущегося скота — зверей и диких козлов с бородами, редко встречаем какое-нибудь другое животное» [1, оп. 129, д. 35, л. 2]. Хотя местными полицейскими в поведении Кванишевского ничего предосудительного замечено не было, над ним и студентом Виленской медико-хирургической академии Стружинским (на его имя был адресован конверт) был учрежден негласный надзор полиции.

В декабре 1833 г. было задержано письмо Эдуарда Ромера, сосланного в Великий Устюг, к сестре Анне в Гродненскую губернию. Письмо было написано на польском языке и носило личный характер [1, оп. 124, д. 38]. Почему же оно осталось в архивных папках? Цензору не понравился всего лишь один абзац, который звучал достаточно поэтично: «Землю надо вспахивать грубым железом, а травы разрезать острою сохой, чтобы впоследствии утешаться зеленью посевов... Выдержим — будем сами счастливы, не выдержим — счастливы будут другие, наши наследники; ибо примеры страданий удобряют почву для счастья людей» [1, оп. 124, д. 38, л. 12]. Отставной поручик уфимского полка Коллонтай, имевший только положительные характеристики, также оказался под надзором полиции из-за своей переписки. Находясь в московском госпитале, он получал письма из Несвижа, «наполненные замечаниями о мерах правительства после польского мятежа» [1, оп. 123, д. 18, л. 1].

Шляхтич Героним Костровецкий был арестован в 1832 г. в своем имении Островец Виленского уезда по подозрению в переписке с участниками восстания. Его бумаги изучались около полугода. Ничего предосудительного в них найдено не было. В

январе 1833 г. шляхтич вышел на свободу. Но следствие по его делу продолжалось, и был произведен обыск у его матери, брата, сестры и племянницы. Вновь не было обнаружено ничего предосудительного. Тем не менее все вышеперечисленные лица попали под надзор властей, а самого Костровецкого еще не раз вызывали в полицию для разъяснения тех или иных мест из его переписки, смысл которых был неясен перлюстрировавшим их чиновникам [1, оп. 125, д. 2, л. 4—11].

Столь широкий контроль за корреспонденцией было невозможно осуществить силами одной полиции без участия почтовых чиновников. И российская власть «озаботилась» вопросом благонадежности этих чиновников. В 1833 г. Виленский генерал-губернатор получил указание собрать «без лишней огласки» сведения о почтовых чиновниках — местных уроженцах (об их происхождении, образе мыслей и действиях вне круга службы). По результатам проделанной работы, в почтовом ведомстве были освобождены от должностей по Виленской губернии 36 чел., по Гродненской — 25 чел. и 8 чел. по Белостокской области [1, оп. 124, д. 38, л. 1—41].

В России XIX в. все иностранцы попадали под наблюдение полиции. Особое внимание уделялось прибывавшим в западные губернии, так как они могли передавать деньги и письма из-за границы. Надо сказать, что эти «ожидания» полиции были не беспочвенны. Так, в июне 1834 г. пинский помещик Твардовский и прусский гражданин Мейджер (англичанин по происхождению) создали совместную торговую компанию, в связи с чем Мейджер получил разрешение на проезд через Пинск в Варшаву [1, оп. 126, д. 4, л. 4]. Однако он остановился в Пинске и проживал там в течение трех месяцев, что послужило поводом для начала полицейского расследования. Были арестованы все бумаги иностранца на польском, немецком и английском языках и в связи с отсутствием необходимых переводчиков в

Пинске отправлены в Минск. Мейджер также был препровожден в Минск, «не подвергаясь, впрочем, аресту». Выяснилось, что учрежденная торговая компания по существу явилась лишь ширмой для переписки. Она велась не через обычную почту, а через конторы еврея Лейбы Варгифтика. Были обнаружены бумаги о переводе в Париж по просьбе Твардовского денег графу Сципиону (участник восстания), а также о переводе 4500 франков участнику восстания Володовичу. Ему также передавались письма от родственников. По указанию Бенкендорфа в 1836 г. компания Мейджера была закрыта, ее владельцу было запрещено заниматься торговыми делами в России. Сам Мейджер успел уехать за границу, однако было отдано распоряжение о задержании его как подсудимого, если он вновь появится в Минской губернии [1, оп. 126, д. 4, л. 3, 105, 138—140].

Жители белорусских губерний попадали под подозрение по чьим-либо доносам (в том числе анонимным). Так, был учрежден надзор за дочерью помещика Виленской губернии Цивинского, так как в разговоре со шляхтичами Станкевичем и Климовичем она радовалась, что ее родной брат участвовал в восстании и убил несколько русских. Под надзор попала не только Цивинская, но и ее отец, а также Станкевич и Климович [1, оп. 124, д. 14, л. 1]. Помещица Витебской губернии Реут попала под надзор только за то, что поехала к сосланному в Псковскую губернию мужу [5, оп. 1, д. 2882, л. 1—2]. Но даже на этом фоне выделяется донос об обеде в местечке Койданово, автор которого сознательно провоцировал окружающих на nepозволительные высказывания. Чего он добивался? Подполковник артиллерии Энгельбах подал рапорт «о возмутительном духе некоторых поляков жителей местечка Койданово» [1,

оп. 124, д. 20, л. 1—18]. В рапорте сообщалось, что в апреле 1833 г. подполковник был приглашен на обед к графу Чапскому, где присутствовали местный учитель, аптекарь Штарк, бывший ковенский предводитель дворянства Забелло и дворянин Довгир. Энгельбах специально заводил во время обеда разговоры на политические темы, но присутствующие были крайне осторожны. Каким же образом у подполковника сложилось мнение об их «возмутительном духе»? Во время обеда граф Чапский произнес речь, в которой поклялся, что, дав в 1814 г. Александру I слово не поднимать руку против России, он будет соблюдать его всю жизнь. Однако по замечанию Энгельбаха, «при произнесении речи граф беспрестанно взглядывал на присутствующих поляков и легко можно было судить по перемигивающимся чертам его физиономии, что он хотел дать понять окружающим, как легко он меня обманывает» [1, оп. 124, д. 20, л. боб.]. Все участники обеда были взяты под надзор полиции.

Среди многочисленных доносов мы встречаем интересные сведения о существовании в 1830 г. «мятежной шайки» исключительно из женщин. Кристина Чепужинская, обер-офицерская дочка 22 лет, показала, что поступила на службу к графине Плятер. Последняя в 1830 г. возглавила «мятежную шайку» и пригласила Чепужинскую стать ее адъютанткой. Сколько человек входило в эту группу, Чепужинская не назвала, однако указала, что наиболее активными были Елизавета Мильчевская, две сестры Горские, Иосефата Вашкович и Ржевуская. В ходе следствия выяснилось, что графиня Плятер бежала во Францию под фамилией Немчинская. Две Горские и Вашкович были взяты в плен в бою под Ошмянами. Виленский генерал-губернатор князь Долгорукий отдал распоряжение отыскать Ржевускую [1, оп. 126, д. 69, л. 3—5].

В рамках данной статьи не рассматриваются ни деятельность разного рода тайных обществ в 30—40-е гг. XIX в., ни мероприятия правительства по отношению к их членам. Не прослеживаются и судьбы участников восстания 1830—1831 гг., причисленных специальными комиссиями к одному из разрядов преступников. Автору хотелось сосредоточить внимание читателя на борьбе правительственных чиновников с местными жителями, «виновными» в брошенных взглядах, фразах, переписке с родственниками. Именно в 30—50-е гг. XIX в. в дворянском обществе белорусских и украинских губерний вызревает та неприязнь и даже ненависть ко всему русскому, которую позднее так ярко опишет В. В. Крестовский в диалогии «Крестовый пух».

1. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе. Фонд 378 (Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, г. Вильно). Политический отдел.

2. Там же. Фонд 437 (Комиссия, созданная в г. Вильно, для определения степени вины участников восстания 1831 г.).

3. Национальный Исторический архив Беларуси в г. Минске. Фонд 319 (Минское губернское дворянское депутатское собрание).

4. Фонд 1297 (Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского).

5. Фонд 1430 (Канцелярия Витебского гражданского губернатора, г. Витебск).

6. Фонд 2626 (Канцелярия Витебского губернского предводителя дворянства).

7. Фонд 2712 (Военно-уездные начальники Витебской губернии, г. Витебск).

8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе: В 55 т. СПб.: Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830—1884. Т. 1—55.
9. Горбачева О. В. Восстание 1830—1831 гг. на Беларуси: Дис. канд. истор. наук. Мн., 1995.
10. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5: Курс русской истории.
11. Halecki O. A History of Poland. New York: Ray Publ., 1943.
12. Hill N. Poland and the Polish question. London: Allen and Unwin, 1915.